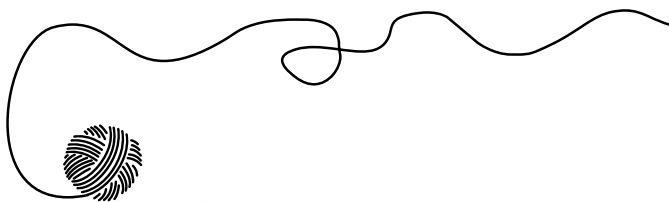

Читайте в серии:

1. Агент на мягких лапах
2. Секрет еловых писем
3. Загадка сбежавшего сейфа
4. Уинстон, берегись!
5. Сыщик на арене
6. Спасти Одетту

Пролог, Или Даже
лучшие детективы
порой теряют
самообладание...

— А ну иди сюда, ничтожный мелкий кот! Да я таких, как ты, каждый день на завтрак ем. И даже не наедаюсь!

Святые сардины в масле! Прямо передо мной на балке перекрытия сидело чудовище с горящими глазами ядовито-желтого цвета! Оно было просто огромным — минимум вдвое крупнее моего толстого друга Спайка и к тому же вдвое шире. Я кот далеко не робкого десятка, но тут даже у меня вся шерсть встала дыбом — от ушей до самого кончика хвоста. Чудовище оскалило зубы, обнажив четыре огромных резца. Да уж, если такие пойдут в ход — никому мало не покажется. Я неуверенно отступил на шаг назад. Только бы не потерять равновесие! Ведь балка, на

которой мы оба находились, была расположена в пяти метрах от пола, если не больше!

— Никак наделал в штаны от страха? — издевательски осведомилось чудовище. — И не мудрено. Против меня у тебя нет ни единого шанса. Давай-ка лучше уноси отсюда лапы. Как можно быстрее и как можно дальше. Пока я не сделал из тебя фарш!

Звучит не очень. Хотя против фарша как такового я, конечно, ничего не имею! Когда наша экономка Анна подает мне к обеду изысканный тартар из говядины, приправленный щепоткой петрушки, я всеми лапами «за». Однако есть фарш — это одно, а быть им — совсем другое, и перспектива стать фрикаделькой мне отнюдь не улыбалась. Но удирать, поджав хвост?! Мне?! Уинстону Черчиллю?! Самому умному и смелому коту в мире?! Да ни за что!

— Хм, мне кажется, произошло какое-то недоразумение, уважаемый. Я вовсе не ищу ссоры — я ищу тут свою возлюбленную. Одету. Необыкновенно красивую белую кошку. Не видели вы ее, случайно, где-нибудь?

Теперь пришла очередь чудовища отступить на шаг назад. Очевидно, ему нужно было подумать — а делать это, капая слюной мне на нос, было не так уж удобно.

— Это такая жирная, длинношерстная, да? С одышкой? На каждом шагу задыхается?

Святые сардины в масле! Как он смеет в таких выражениях говорить о моей Одетте?! Какая наглость! Да я за одно только это обязан вызвать его на дуэль. Ну ладно, допустим, она немного располнела в бедрах — так ведь на это есть причина! И эта причина — самая лучшая из всех возможных!

— Одетта не жирная. Она чудесная! — зашипел я на чудовище. — Так видел ты ее или нет? Отвечай давай, и поживее!

Но, вместо того чтобы ответить, чудовище вдруг сделало огромный прыжок вперед и с размаху заехало своей лапищей прямо по моему чувствительному носу. Боль пронзила все мое тело, я потерял равновесие и сорвался с деревянной балки. Еще падая, я заметил, как чудовище подало кому-то внизу какой-то знак. Потом в глазах у меня потемнело...

Полдюжины любви

— Вот, Кира, взгляни, тут хорошо видно, — с этими словами ветеринарный врач госпожа Вильмес повернула маленький телевизор экраном к нам с Кирой, продолжая при этом водить какой-то палочкой по брюшку Одетты.

— Раз, два, три, четыре... а вот и номер пять. В животе у Одетты барахтаются пятеро маленьких котят! — Тут она вдруг на секунду смолкла. — Ой, я вижу еще и шестого! Вот это выводок так выводок — мои поздравления!

Я недоверчиво уставился на экран телевизора, где шевелились какие-то серые пятна. Вот это вот и есть котята? Дети Одетты? Мои дети? А как они попали в телевизор? Я осторожно шагнул вперед и обнюхал экран. Доктор Вильмес рассмеялась:

— Что, Уинстон, удивлен, да? Становиться отцом — это, конечно, очень волнующе.

Отец. Как это звучит! Даже немного жутковато. Особенно учитывая, что я не имею об этом почти никакого представления.

Своего отца я никогда не встречал. Видел только фотографию — она была приколотая на пробковой доске в доме у моего заводчика. Лерой оф Ривербэнкс-Малберри. Голубая кровь, чемпион породы «британская короткошерстная», серебристо-серый окрас и величественная осанка. Но был ли он хорошим отцом? Понятия не имею. В общем, мне однозначно не хватает образца для подражания.

Вернер Хагедорн, человек, с которым мы уже много лет живем вместе, тоже не отец, ведь у него нет детей. Впрочем, это не совсем верно. С нами уже довольно долго живут Кира и Анна. Кире тринадцать лет, и она моя лучшая подруга из всех людей, а ее мать Анна пришла к нам в дом в качестве экономки. Но вскоре Анна и Вернер полюбили друг друга и стали парой, а вместе с Кирой из них вышла семья. Так что, кажется, Вернер теперь

стал для Киры кем-то вроде отца. Он помогает ей с домашними заданиями, подвозит ее до школы на машине в плохую погоду. Если Кира разбрасывает по дому вещи или, замешкавшись перед выходом, опаздывает к началу занятий, он ругает ее, в точности как Анна. А если ей вдруг случится не сделать уроки, он ее выгораживает и пишет учителям записки, изобретая оправдания. Например, утверждает, что нечаянно положил тетрадку с Кириным домашним заданием в свой портфель и унес ее на работу, в университет. Вернер — профессор физики. На учителей это чаще всего производит сильное впечатление, так что они уже не жалуются Анне. Очень действенный трюк!

К чему это я? Ах да — об отцовстве. Наверное, хорошие отцы именно так и поступают: ругают тебя, когда ты натворишь дел, но все же не бросают в беде и помогают расхлебывать последствия. Таким отцом я и хочу быть для наших с Одеттой котят. Хотя они и не будут учиться ни в какой школе. Кроме школы жизни, разумеется!

— Как думаете, когда родятся котята? — спросил Вернер у доктора Вильмес. Она вновь взглянула на экран и на секунду задумалась.

— Хм, обычно беременность у кошек продолжается шестьдесят три дня. Я полагаю, котяткам нужна еще минимум неделя — а значит, к следующим выходным вам придется подготовить родильный ящик.

— К следующим выходным? Родильный ящик? — переспросил Вернер тоном, в котором слышалось что угодно, кроме воодушевления.

— Да, сегодня пятница, и я думаю, примерно дней через восемь ваша белая красавица произведет на свет потомство. И для будущей мамы с малышами лучше соорудить специальный родильный ящик, господин Хагедорн. Самого простого будет достаточно.

— Черт! — пробурчал себе под нос Вернер.

— Что-что? — строго переспросила доктор Вильмес. — Вы что, не рады?

— Нет-нет, рад, конечно! — поспешил заверить ее Вернер. — Но дело в том, что в следующие выходные я женюсь и в это время

буду даже не в Гамбурге, а в Люнебургской пустоши¹. Моя невеста подыскала для свадьбы замечательную загородную усадьбу.

Доктор Вильмес нахмурилась:

— Понимаю. Разумеется, рождение котят плохо вписывается в этот план. Как бы то ни было, не советую вам оставлять кошку совсем без присмотра. Конечно, большинство кошек рожают котят совершенно самостоятельно. Но лучше бы рядом все же был кто-нибудь — на случай, если что-то вдруг пойдет не так, — чтобы заметить это и позвать меня на помощь. Не собираюсь вас пугать, но вы ведь не хотите, чтобы с Одеттой или котятами случилось что-то плохое, а бросить их одних — это риск.

МУРРР-МЯУ!!! Нет, этого мы не хотим ни в коем случае! Я, разволновавшись, прыгнул со стола и вцепился когтями в брюки Вернера.

— Ай, Уинстон! Ты что творишь?! Больно же! Плохой кот! — стал ругаться он.

¹ Люнебургская пустошь — живописная вересковая пустошь, расположенная на севере Германии. (Прим. ред.)

— Почему это он плохой? — вступилась за меня Кира. — Он просто переживает за свою подругу Одетту! Это же логично.

Доктор Вильмес рассмеялась:

— Да, похоже, все именно так. Предлагаю поступить следующим образом: привезите будущую маму на выходные в кошачий пансион. Или в ветеринарную клинику. Тогда вы сможете спокойно праздновать свадьбу, а к вашему возвращению котятка уже, наверное, появятся на свет.

Это самая ужасная идея, какую мне только доводилось слышать — клянусь любимой когтеточкой! Я не хочу бросать Одетту одну, но и пропускать свадьбу моего самого любимого в мире хозяина тоже не хочу. Это ведь, в конце концов, семейный праздник, он просто НЕ МОЖЕТ состояться без меня! Я яростно зашипел и с удвоенной силой вцепился в штаны Вернера.

— Ай-ай-ай! — воскликнул он и попытался высвободить ногу — разумеется, безуспешно, потому что в ответ я лишь глубже впился в нее когтями. — Уинстон! — взвыл

он. — Да что же это такое, отпусти немедленно!

Даже не подумаю!

— Уинстон считает идею с пансионом дурацкой, — захихикала Кира. — Еще бы. Конечно, ему хочется, чтобы Одетта была с ним на свадьбе. Это же, в конце концов, семейный праздник.

Кира просто лучше всех! Она прямо-таки читает мои мысли. Что, впрочем, и неудивительно. Ведь наша дружба началась с того, что мы случайно поменялись телами. Да, все верно! Она очутилась в моем теле и какое-то время жила кошачьей жизнью, а мне пришлось ходить в школу. Кошмарный опыт! Но зато я научился читать. Позже нам, к счастью, удалось вернуться в свои тела — но этот крайне полезный навык у меня остался.

Вернер взглянул на меня в задумчивости:

— Наверное, ты права, Кира. Доктор Вильмес, как вы думаете — можем мы взять Одетту с собой? В загородную усадьбу? Полагаю, родильный ящик, о котором вы только что говорили, там найдется.

Она кивнула:

— Конечно, почему нет? В конце концов, ведь и пансион для животных будет для Одетты незнакомым окружением. Важно лишь, чтобы у нее был уголок, где она сможет укрыться, и чтобы время от времени за ней приглядывал кто-то знакомый. Тогда все должно пройти как по маслу.

Вернер вздохнул:

— Вот только как я объясню это Анне? И бабушке? Думается мне, у них обеих очень четкие представления о том, как должна пройти свадьба, и кошачьи роды в эти представления никак не вписываются.

В этом он, пожалуй, был прав. Анна вот уже несколько недель подряд планировала главный праздник своей жизни. Повсюду в доме лежали журналы, со страниц которых счастливо улыбались парочки, покупка свадебного платья обернулась делом прямо-таки государственной важности, а прежде чем остановить свой выбор на усадьбе в Люнебургской пустоши, Вернер с Анной осмотрели, наверное, пять тысяч других ресторанов